

18+

*Владимир
Сенчихин*

Кара ледоруба

Владимир Сенчихин

Кара ледоруба

«Издательские решения»

Сенчихин В.

Кара ледоруба / В. Сенчихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512962-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Андрей отправляется на Алтай, дабы потренироваться перед штурмом Эвереста. Лена бежит в горы от городской скукотищи. Он уже покорил в одиночку высочайшие вершины Европы, Африки и обеих Америк, она — в альпинизме ни в зуб ногой. У него красивая фамилия, а у нее разноцветные глаза. Им есть о чем поговорить, у каждого свои горести и семейные тайны. Никто не может омрачить нежданную любовь, кроме полиции. Гораздо проще спуститься с горы, чем вернуться домой.

ISBN 978-5-00-512962-8

© Сенчихин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. «Сад камней» в назидание	6
Глава вторая. «Когда подступает отчаянье»	15
Глава третья. Уйма вольт и зонтик в ключья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кара ледоруба

Владимир Сенчихин

© Владимир Сенчихин, 2024

ISBN 978-5-0051-2962-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. «Сад камней» в назидание

«Газпром» удавится, увидев такое расточительство», – с раздражением подумал Андрей, глядя на красно-оранжевые языки пламени, которые выпрыгивали из чумазных трещин в известняке. Дурень. Поддался на уговоры новоиспеченных супругов. С парочкой познакомился на пляже, записался на экскурсию, причем не вник, стоит ли на нее тратить время. Видите ли, посчитал, что торчать в номере глупо.

Все молодожены в свадебных путешествиях безнадежно глупы, до неприличия блаженны, непоседливы и болтливы. С этим еще можно смириться, противно другое: они почему-то полагают, что способны осчастливить весь мир.

Когда изнывающие от взаимной любви молодые супруги, нанизав на вязальные спицы сосиски, начали их поджаривать, Андрей помрачнел и заковылял к видневшимся неподалеку развалинам древнего храма. Настроение отравили не молодожены, и не толпа иноязычных туристов, а собственная немощь. Что такое двести тридцать метров высоты, если ему пять тысяч не указ. Подъем на гору Янарташ, в переводе с турецкого «горящий камень», показался пустышкой прогулкой: хоть и крутовато, но под силу даже мамашам с малолетними детьми. Древняя каменная тропа длиной всего в семьсот метров изобиловала вырубленными в скальном грунте ступенями. Он резво поднимался и на финише скривился от боли: сломанная нога нестерпимо занула. Не случись такой напасти, Андрей бы тоже подивился причуде природы, которая сварганила газовые «конфорки» на вершине горы. Гид заверил, что струящийся из скальных недр горящий метан в незапамятные времена служил своеобразным маяком для мореплавателей. Положим, такой фишкой турки могут гордиться, но задирать нос не следует: в Азербайджане есть холм Янардаг – «горящая гора», из-под основания веками вырываются метровые языки огненного природного газа. Чтобы их лицезреть, не надо убивать ноги, сиди себе в машине и любуйся.

Расположившись под тенью полуразрушенной стены храма, Андрей долго массировал забастовавшую ногу, боль притупилась. Вспомнив, что вскоре эскулапам придется извлекать из нее титановые пластины, Горностаев поморщился: конечность наверняка снова порежут и к старым шрамам добавятся новые.

Сосед по подъезду, владелец потасканной, но прыткой иномарки, однажды поделился с ним занятным наблюдением.

– Прикинь, годами катаешься и все колеса целы. А потом – бац! – и едва ли не каждый день ловишь то гвоздь, то шуруп. Вот скажи, как это называется? Только не гони волну про закон подлости, меня такие отмазки только бесят. Следи за моими мыслями. Летом асфальт плавится, резина к нему прилипает и наворачивает на себя всю гадость, которая в него попала. Получается, что летом вероятность получить гвоздь в колесо гораздо выше, чем зимой. Верно?

– Ну, да, – неуверенно подтвердил Горностаев. Ни шинами, ни легковушками он не интересовался, хватало и общественного транспорта, в крайнем случае, ловил бомбилу.

– А вот фигушки! – торжествующе отрезал сосед. – Именно зимой я пять раз – улавливаешь – пять раз побывал на шиномонтаже. А летом, будто бабка пошептала, где только ни катался, я ведь рыбак со стажем, у меня щука не забалует, и хоть бы хны. Как думаешь, что это значит?

– Наверное, на шины как-то влияют времена года, – предположил Андрей.

– Едрить тебя налево! – в сердцах воскликнул сосед. – Я ведь просил следить за моими мыслями. Три года назад я нахватал гвоздей летом, причем здесь времена года?

– Зимой асфальт твердый, когда шина наезжает на шляпку гвоздя, он дергается, становится дыбом и пробивает ее.

– Объясни, умник, – теряя терпение, поинтересовался сосед, – почему гвозди и шурупы охотились за моей резиной сначала только летом, а потом исключительно зимой? Во! И я не знаю.

Какого либо разумного ответа Горностаев не придумал. Да и какая разница, когда в шину вопьется гвоздь? И вот сейчас, издали наблюдая, как ребячливые молодожены угощают друга друга поджаренными сосисками, ему подумалось, что дотошный сосед имел все основания для беспокойства.

Андрей увлекся горными лыжами пять лет назад. Домбай с необъезженными склонами, дикий Чегет, трехкилометровая трасса в Абзаково близ Магнитогорска и Большой Вудъявр в Хибинах, задыхающийся в объятиях северного сияния. Спрашивается, какого рожна поперся на горнолыжный курорт Ясна в Словакии? Соблазнился горой Хопок высотой в два километра и прогадал: ведущий на вершину подъемник так и не открыли, якобы из-за скверной погоды. Словаки вообще интересные ребята. Когда разбушевалась метель, подъемники красных трасс, то есть средней сложности, не отключили, и Андрею, выехавшему на обледеневший склон, ветрюган дал такого пинка, что он едва устоял на ногах. Потеряв ориентацию, спуускался вслепую. Обошлось. Утром следующего дня он поднялся на станцию Лукова, чтобы прокатиться по черной, самой крутой трассе. Вчерашняя метель, намаявшись, поджала хвост и убралась подобру-поздорову. Утопающее в лазури небо принарядилось: пухлые кораблики облаков неспешно проплывали, держа курс на соседнюю Польшу. Свежевыпавший снег слепил глаза, спасали защитные очки, с которыми Горностаев не расставался. Когда спуск почти обезлюдел, Андрей заскользил по идеально вылизанному ратраками склону, но на середине перед ним внезапно возник какой-то безбашенный лыжник в канареечном комбинезоне. Не устояв на ногах, пижон свалился, подняв снежную пыль. Сманеврировать Андрей не успел: с маху врезался в неожиданное препятствие, перекувырнулся через голову и отключился. Открыв глаза, увидел неподалеку снегоход и двух спасателей, один из которых, на глаз определив национальность пострадавшего, заговорил на ломанном русском. Поинтересовался самочувствием и объяснил, что вызвали helicopter. Горностаев не знал, входит ли в страховку вертолет, и категорически от него отказался, но спасатель жестом указал на лежащего ниже по склону канареечного лыжника и пояснил, что с ним еще хуже, в сознание не приходит. Обоих в вертолет загрузили на носилках. От укола в кисть Горностаев поплыл по волнам благодати, но ясность мысли сохранил. В больнице с его слов заполнили трехстраничную анкету и попросили дать согласие на операцию. Пришел в себя в больничной палате, с загипсованной правой ногой: переломанные малую и большую берцовые кости соединили с помощью саморезов титановыми пластинами. Молоденькая медсестра, пахнущая духами и лекарствами, по-русски не говорила, но словацкий язык оказался несложным, хотя и своеобразным. Выяснилось, что подрезавший Андрея поляк нехило поплатился за лихачество: до сих пор в реанимации.

Происшествие кто-то снял на видео и выложил в интернет. Медсестра извлекла из кармана мобильный телефон с аршинным дисплеем и произнесла: «Ešte som to nevidela». Зрелище и в самом деле оказалось на редкость захватывающим, автор ролика, вероятно, пользовался видеокамерой, закрепленной на штативе, да еще ловко управлялся с трансфокатором. В противном случае картинка получилась бы смазанной и невнятной. Он заранее занял выгодную позицию, надеясь запечатлеть сногшибательный видеоряд, и не прошибся. Должно быть, знал, что с головой будущий герой его репортажа не дружит. Канареечный поляк бросался в глаза, а его стиль катания напоминал попытку самоубийства: слегка присев, летел вниз, даже не пытаясь маневрировать, дабы снизить скорость. Поэтому быстро догнал Андрея. Оба лыжника так долго кувыркались, сплетаясь телами и разъединяясь, что никаких сомнений в исходе падения

не возникало. Горностаев диву давался: не будь сам участником происшествия, пришел бы к выводу, что на его глазах произошла двойная трагедия.

Никакой взаимосвязи между гвоздями и шурупями, которые атаковали шины соседа, и происшествием в Ясне не прослеживалось, но Андрей никак не мог отделаться от мысли, что каждый человек имеет определенный лимит удачи. И он его, похоже, исчерпал. Горностаев никогда не полагался на авось, считал, что любые случайности, если они не обусловлены внезапными капризами погоды, можно предусмотреть. Валяясь в больничной палате, он много раз просмотрел видео, сброшенное медсестрой на его смартфон, и пришел к выводу, что даже чемпион мира по фристайлу не смог бы избежать столкновения. Это открытие неприятно поразило его. Оно омрачало устоявшееся мироощущение Горностаева, основанное на уверенности в том, что мышцы, если их годами тренировать, при возникновении опасных ситуаций реагируют куда быстрее, нежели мозг. Смутная тревога поселилась в его душе, начали одолевать сны, один другого гаже. То снилось, будто оказался в незнакомом городе, расположенном на крутых холмах, и внезапно попал под ливень, который смыл его в мутную реку, заполненную упавшими деревьями и легковушками. То видел себя в толпе, по которой сверху кто-то палит из автомата, люди падают ничком, входные пулевые отверстия выглядят маленькими и безобидными, порождая впечатление постановочного кино, с томатным соком вместо крови. Просыпаясь, он вытирал со лба холодный пот.

В родной город Андрей вернулся на костылях. Молодцеватый травматолог лет тридцати, курносый, с рыжими кудрями и щетиной, изучив рентгеновские снимки, восхищенно поцокал языком и сказал, что словацкие коллеги потрудились на совесть. Заверил пациента, что тот через тройку месяцев будет прыгать как зайчик. Когда Горностаев пожаловался на отвратные сны и дрянное самочувствие, доктор по-свойски посоветовал не связываться с психиатрами, мол, мозги у них всю набекрень.

– Невроз навязчивого состояния, – констатировал врач. – Выбросьте происшествие из головы, можете пару недель попить феназепам, подольше спите. Когда снимете гипс, нещадно разрабатывайте ногу на сгибание, в таких случаях очень полезен велотренажер, не пренебрегайте физиотерапией, подольше гуляйте на свежем воздухе. Это у вас первый перелом? В таком случае наберитесь терпения, когда нога начнет заживать, будет чесаться. Не вздумайте совать под гипс вязальную спицу или деревянную линейку, занесете под кожу инфекцию – наплачетесь.

В лаборатории комплексных исследований НИИ, где Андрей трудился старшим научным сотрудником, известие о том, что он вернулся с переломом, вызвало оживленные пересуды. В штате лаборатории числились только женщины, включая заведующую, Надежду Леонидовну. Она справедливо гордилась научным учреждением, которое в свое время не смогли угробить Ельцин на пару с Гайдаром. Угодив в женское общество, Андрей поначалу растерялся и даже приуныл. Но со временем обнаружил преимущества своего статуса: и замужние, и безбрачные дамы относились к нему с одинаковым участием, подкармливали бутербродами и выпечкой собственного приготовления, попутно жалели за худобу.

Надежда Леонидовна попеняла ему за дурацкие лыжи, пообещав хоть из-под земли раздобыть мумие. Говоря по правде, Горностаев и не думал давить на жалость, но так получилось, что его квартира превратилась в филиал больничной палаты. Наиболее активные и безмужние дамы, согласовав служебные графики, поочередно навещали его, закупали продукты, готовили еду, загружали в стиральную машинку его постельное белье и вещи, мыли полы и даже обижались, когда Андрей пытался увильнуть от повальной заботы. Каждая из них обустроивала его холостяцкую кухню на свой лад. Он терялся в изобилии всяческих баночек, коробочек

и прочих емкостей, которые хаотично размножались. Однажды, отчаявшись отыскать сахар, выгреб из стальных шкафчиков все посудыны и аккуратно наклеил на них бумажки с указанием содержимого.

Плотная женская опека не то чтобы его раздражала, он просто не привык к новому облику квартиры, которая напоминала тщательно вылизанный гостиничный номер. Создавалось впечатление, что жилище ему уже не принадлежит. Это чувство усилилось, когда Оксана предложила переклеить обои и заменить шторы. И то, и другое девчонки, мол, сами подберут, благо сегодня не советские времена, в строительном гипермаркете такого добра хоть завались.

Оксана ему нравилась: коротко стриженная двадцатипятилетняя брюнетка с челкой, наползающей на глаза, которую она беспрерывно смахивала резким кивком. Андрею порою хотелось взять в руки ножницы и обрезать лишние волосы. Женщина в одиночку воспитывала дочь, нарочито одевалась в бесформенные платья, скрывающие ладную фигурку, и по-матерински обихаживала Андрея. На близкие отношения не претендовала. Явившись в первый раз в его квартиру, сразу предупредила:

– У тебя, Горностаев, на лице нарисовано: мама превыше всего. Ты, конечно, не виноват, что воспитывался без отца. Это проклятие девяностых. Когда пьяная троица в Беловежской пуще кирдык Союзу устроила, я во второй класс ходила, но до сих пор помню, как папа сказал маме: «Скоты. Сталина на них нет. Скоро будем вспоминать Брежнева, как отца родного. Завтра сними все деньги со сберкнижки, надо запастись сахаром, солью и спичками». А потом началось такое, что даже мне, соплячке, становилось страшно. В моем подъезде жили в основном летчики военно-транспортной авиации, уцелел только один, с женой повезло, устроила его дворником и пить не позволяла, бабища в три обхвата, он боялся ее пуще начальства. Ты для семьи не создан, так что замуж за тебя не пойду. Не злись, тебя с удовольствием захомутает какая-нибудь женщина, для которой муж – не стенка. Извини, ты случаем не еврей?

Этот вопрос столько раз задавали Андрею, что он не удивлялся и обычно отвечал:

– Допустим, я жид. Вас это напрягает?

Собеседники, как правило, тушевались. Разглядывая себя в зеркале, Горностаев и сам удивлялся: по матери и отцу вплоть до третьего колена вроде бы чистокровный русак. Между тем нет сомнений, что давным-давно кто-то из его предков по мужской или по женской линии таки получил толику иудейской крови. Рост под сто девяносто, телосложение атлетическое: широкие плечи, длинноватые мускулистые руки, узкий таз. Волосы черные, жесткие, курчавые. Узкое лицо, выдвинутая вперед челюсть, выпуклые черные глаза, губы мясистые, уши тесно прижаты к голове.

Горностаев позвонил Надежде Леонидовне и предупредил, что на две недели отправляется в село, откуда родом его родители. На самом деле никуда уезжать не собирался, костыли накрепко пригвоздили его к жилплощади, но лучшего повода отвадить сердобольных женщин не придумал. Собственно говоря, он и в самом деле мог бы побывать на родине. Два часа на рейсовом автобусе. Почему бы и не взглянуть на дом, который с таким трудом построил отец? Деревянный, одноэтажный, два подслеповатых окна взирают на улицу сквозь просветы в густых зарослях сирени. Зеленое крытое крылечко со скамейками по бокам. На одном из них по вечерам сидела мама, дожидаясь пастуха, пригонявшего стадо. Коровы шли медленно, занятые жвачкой, снисходительно поглядывали огромными красивыми глазами на хозяек, которые, заранее обдав кипятком ведра для молока, распахивали ворота. Буренки, преисполненные собственной значимостью, лениво помахивали хвостами, каждая останавливалась возле своего подворья и долго размышляла, стоит ли входить или все—же подождать особого приглашения. Деревенское стадо, когда-то многочисленное, к моменту отъезда из села семьи Горностаевых скукожилось до двадцати голов, а пастух, приглядывающий за ним, не отказывался от своих обязанностей только из-за любви к вымирающей профессии.

По рассказам мамы, с приснопамятных времен коров выпасали сразу за селом, на заливному лугу. Но в шестидесятых его распахали и засеяли кукурузой. В первое лето «королева полей» вымахала выше человеческого роста, за нею наблюдал колхозный объездчик, гордо восседающий на рослой лошадке. По ночам жители села воровали початки, которые во время варки распространяли умопомрачительный запах. Потом год от года кукуруза хирела, пока не сравнялась в росте с шестилетним ребенком. Затею признали бесперспективной, однако луг в первоначальное состояние так и не вернулся. Хилую траву медленно, но верно вытесняли сорняки. Горностаев с грустью подумал, что сейчас в селе, скорее всего, коров и вовсе не держат. Может, и в самом деле скататься, когда нога подживет?

Воспоминания пресек голосистый дверной звонок. Явился сосед по лестничной площадке, спец по гвоздям и шурупам. Безнадежно лысый и пузатый, на голову ниже Андрея, он, может, и поддавался унынию, но только не на людях. Его круглая физиономия излучала неизменный оптимизм, круто замешанный на вере, что каждый может обустроить свою жизнь наилучшим образом. Квартуру выбил, жену подыскал – любо-дорого, троих сорванцов на свет произвел. Посадить дерево тоже пробовал. Возле хрущевки высаживал и черешню, и вишню, и березу, и сосну. Ни одно деревце больше года не протянуло. Обязательно находились паршивцы, которые либо ломали саженцы, либо вырывали их с корнем. И тогда Шурипов решил не то чтобы наказать обитателей дома, а наглядно продемонстрировать, чего те заслуживают. Договорился с шурином, который трудился на единственном в области гранитном карьере, и тот прислал тяжеленный грузовик. Двое суровых мужиков, похожих на зеков, разбросали с кузова перед домом два десятка необработанных разнокалиберных глыб и укатали. Жители, с изумлением выглядывающие из окон, после их отъезда долго осматривали камни, придиричиво ощупывали, но так и не поняли, кто и почему испохабил двор. Нашлись умники, утверждавшие, что коммунальщики хотят на японский манер обустроить сад камней, но их подняли на смех. На письма жителей дома жилищная контора отвечала, что никакого отношения к происшествию не имеет. Со временем двор превратился в достопримечательность микрорайона, в народе его прозвали «японским», а все попытки охотников до дармового стройматериала заканчивались ничем: гранит не поддавался молоткам и зубилам, а желающих пригнать автокран и убрать безобразия так и не нашлось.

К визитам соседа Горностаев привык и воспринимал их как неизбежное приложение к собственному жилью, вроде рекламных баннеров на сайтах. До этого он много лет скитался по съемным квартирам. Ему, холостяку со стажем, претило тратить время на всяческие мелкие ремонты, пусть этим занимаются хозяйева. Если те зарывались и хитрили, без промедления переезжал и даже находил удовольствие в кочевьях, мог бы утереть нос любому таксисту по части месторасположения улиц и домов. Весомая часть зарплаты уходила на еду и съем жилья, материально выручал промышленный альпинизм. Андрей занимался ремонтом и покраской дымовых труб, утеплением стен в многоэтажках и мойкой окон в высотках. Халтуру предложил Максим Езерский, давний знакомый, москвич, такой же, как и он, заядлый альпинист, организовавший собственную фирму. По пятницам Андрей отправлялся в столицу на поезде, чтобы рано утром в понедельник вернуться домой. Иногда к неудовольствию Надежды Леонидовны на недельку брал отпуск за свой счет. Все подработанные деньги пускал на дальние странствия. Нынешней квартирой обзавелся по случаю. Знакомая Оксаны, работающая риелтером, предложила ей выгодную недвижимость. Одинокая еврейская пара перебиралась на ПМЖ в Израиль и срочно выставила на продажу двухкомнатную квартиру в хрущевке. В меру убитую, но зато с увесистой скидкой.

– Вот тебе, Горностаев, ее телефон и ноги в руки, – сказала Оксана.

– Где я деньги найду?

– Да хоть роди, такой случай упускать нельзя.

Горностаев долго сомневался, прежде чем позвонить в Москву, одалживаться он не любил, да и Максим – не хозяин банка. Приятель, которому он долго и путано объяснял, сколько денег потратил на съемные квартиры, расхохотался.

– Не морочь голову. Если тебе бабки нужны, скажи сколько. Вернешь без процентов, а еще лучше перебирайся в первопрестольную, сколько можно штаны в провинции протирать.

Вместе с новым жилищем Горностаев приобрел и шепутного соседа. Не успел распрощаться с прежними хозяевами, оставившими в качестве бонуса мебель то ли второй, то ли третьей свежести, как на пороге возник Шурипов. Оттолкнув Андрея, подобно гончей пронесся по квартире, опечалился и многозначительно утешил:

– Ты, пацан, не переживай. Держись за меня.

Что он имел в виду, Андрей так и не понял, да и само покровительство выглядело странно: в возрасте они почти совпадали. Позднее выяснилось, что Шурипов маялся из-за того, что жена категорически запрещала ему менять что-либо в интерьере квартиры. Вот и хотелось ему на свой лад обустроить хотя бы жилье соседа. Сколько Андрей ни объяснял, что ничего менять не собирается, Шурипов не успокаивался.

После возвращения из Словакии Андрей с соседом не виделся, поэтому обрадовался: после бабской оккупации соскучился по мужскому общению. Шурипов, узрев костыли, переменялся в лице, на его физиономии отобразились удивление и жалость с легкой примесью досады. «Эко угораздило», – посетовал он, выслушав Андрея. Они сидели на кухне и пили пиво, сосед притащил с собой две бутылки.

– Не боец, значит. А я к тебе за подмогой. Собираю подписи. Вот почитай.

Шурипов наката жалобу в ЖЭК на соседку, живущую этажом ниже, в кляузе от имени жильцов требовал принудительно выселить старушенцию.

Бабулю ненавидел весь подъезд. После семидесяти лет она слегка повредила умом и вспылала любовью к котам и кошкам. Подбирала бесхозных животных по всему району, их количество перевалило за два десятка, но бабулька и не думала останавливаться. Дармовое пропитание для питомцев добывала из мусорных контейнеров, с утра обходила ближайшие площадки, разрывала пластиковые пакеты и складывала объедки в большую плетеную корзину. Однажды Андрей возле баков встретился с бабушкой: выбрасывал мусор. Из ее корзины на него обрушился такой отвратительный запах, что он отшатнулся.

– Воняет? – ехидно осведомилась старушка. – Запах неприятный, но естественный. – Куда хуже, когда дурно пахнет человеческая душа. Она смердит, но никто этого не замечает.

Горностаев промолчал. Вязываться в дискуссию не собирался. Насколько он мог судить, жители дома к домашним питомцам относились лояльно. Только в его подъезде обитают три собаки, по утрам, когда выводят на прогулки кого—то из собратьев, ожесточенно лают. Горностаев даже подумывал, не завести ли овчарку, но после здравого размышления от идеи отказался: порой и самому поесть нечего, четвероногого еще выгуливать надо, а главное – пристраивать на время отлучек.

– Не подпишу, – объявил Андрей.

Шурипов уставился на него в недоумении.

– Хата с краю – ничего не знаю? Если бы эта психопатка не жила подо мной, я бы тоже отморозился. Я окна не могу открыть! – сорвался на крик Шурипов. – А у меня, чтоб ты знал, трое ребятишек, им свежий воздух подавай.

– А выселять старуху из квартиры, по-твоему, нормально?

– Ты глаза разуй, праведник. Перечитай бумагу. Я предлагаю сделку. У меня есть дача, пусть хреновая, но свет и газ имеются. От города всего сорок километров. Найму спецов, они оценят мою халупу и хату старушенции. Разницу выплачу, здоровье детей дороже. И никаких судов, все по-честному.

– А ты ее мнением интересовался? Согласна ли она на такой обмен?

– Ей же будет лучше. Гуляй – не хочу. Природа, котикам раздолье.

– Насчет котов не знаю.

– Значит так? – обиженно спросил Шурипов. – Котиков тебе жалко, а моих детишек нет.

Шурипов встал, сгреб недопитые бутылки и удалился. После его ухода Горностаев долго размышлял, правильно ли поступил, тем более что от его подписи ничего не зависело. А соседа обидел. Он вроде бы прав, старушка на его даче за счет разницы в цене, да еще при ее скромных запросах, много лет будет жить припеваючи. Но справедливо ли сторонним людям решать, что ей нужно?

Андрей представил себя на ее месте. Вся жизнь бабушки без остатка упаковалась в одной квартирке. Муж скончался, детьми не обзавелась. Жизнь протекла между пальцев быстро и неотвратимо. На нее свалилось одиночество: злое и беспощадное. А кошки, как-никак, живые существа, за ними уход требуется. Скорее всего, она каждому питомцу дала кличку. Почему бы и нет? Вот бы поглядеть, как бабушка укладывается спать. Говорят, кошки обожают нежиться в одной постели с хозяевами. Вообразив бабушку, заваленную тельцами четвероногих, Андрей поневоле улыбнулся и сразу помрачнел, вспомнив, что ее квартира действительно извергает умопомрачительную вонь.

Да уж, невеселая альтернатива: судить по справедливости или по закону? Хотя о чем бабушке переживать? Нет в законодательстве статьи, позволяющей выселить ее из-за чрезмерной любви к животным, разве что СЭС может оштрафовать. Даже если жители дома поставят подписи под бумажкой Шурипова, никто ей хода не даст.

Месяц спустя Горностаев, расставшись с костылями, обзавелся стариковской тростью, которую иронически именовал клюшкой, и начал прогуливаться по окрестностям. Выходя из подъезда, столкнулся с Шуриповым, выгружавшим из салона иномарки пакеты с продуктами. Лицедействовать Андрей не умел, но все-таки попытался выдавить из себя дружелюбную улыбку. Получилось, наверное, скверно, потому что Шурипов усмехнулся.

– Да ладно, не парься. Я дачу так отремонтировал, что пальчики оближешь, утеплил стены сэндвич-панелями, участок огородил сеткой-рабицей. Бабуля обомлела, когда красотищу увидела. А у меня на участке и яблони, и вишни, и груши, да еще грядки с огурцами и прочим подножным кормом. В общем, поладили. Она еще и договор пожизненного содержания подписала. В ее хате евроремонт закатаю. Ты же знаешь, я по натуре дизайнер. А свою сдам квартирантам.

– А деньги? – не понял Горностаев, удивляясь, как ему удалось уговорить любительницу кошек расстаться с городской квартирой и перебраться в глухой угол, куда и скорая помощь вряд ли доберется. – Во сколько обмен обошелся?

– Ты, пацан, всегда такой бестолковый или прикидываешься? Я же сказал: договор подписан. Она передала мне свою квартиру в обмен на то, что буду ее содержать, пока не помрет. Старушка жилистая, но мои годочки не переборет.

Перед майскими праздниками больничный лист закрыли, хотя Горностаев все еще прихрамывал. Врач объяснил, что установленный срок истек, для госпитализации причин нет, а инвалидом его никакая медицинская инстанция не признает, если не приложить к этому некоторые усилия. Эскулап развел руками и вопросительно взглянул на пациента. Намек насчет инвалидности Андрея покоробил. Еще чего не хватало.

Выходу на работу больше обрадовался, чем огорчился. Пребывание в четырех стенах утомило, он соскучился по пустопорожнему женскому трепу. Телевизор возненавидел. Ох уж этот ящик. Окно в мир, но искривленное и убийственно фальшивое. Советский телик вспоминать не хотелось, но российский оказался еще хуже: тупость, пошлятина и чернуха.

К телевизору Андрей пристрастился поневоле. Управляющая компания наняла электрика, который, перепутав фазы, подал в розетки триста восемьдесят вольт. В подъезде сгорели холодильники, телевизоры, компьютеры и прочие бытовые устройства, подключенные к сети. Кому-то повезло, вышли из строя только силовые элементы, снижающие напряжение. Да и пара холодильников еще советского производства стоически выдержала наглую атаку. А вот его ноутбук, как назло подключенный к сети, загнулся. Вызванный на дом мастер трагически известил: «Сгорела материнская плата. Дешевле новый купить».

Разрыв с интернетом вверх Горностаева в неизбывную хандру. Пожалуй, никто за последние годы так крепко его не огорчал, как безымянный электрик. И откуда такие криворукие берутся? Андрей торчал в интернете часами, а тут облом. Он подключил мобильный телефон к сети, хотя раньше этой услугой не пользовался, опасаясь вирусов. Читать новости, куда ни шло, а вот набирать тексты на малюсеньком экране – занятие для мазохистов. Пришлось ограничиться эсэмэсками и короткими сообщениями по электронной почте.

Хорошо, что по пути на работу догадался купить две бутылки марочного вина. Отметили его выздоровление, а заодно обмыли долгожданное приобретение – немецкий рентгенофлуоресцентный спектрометр, о котором Надежда Леонидовна давно мечтала. Удивительный прибор, на уровне атомов может распознавать, из чего состоит вода, земля, минералы и любая еда. Элегантный и без лишних наворотов, на столе много места не занимает. Рядышком монитор, на который выводится вся информация. Это не дедовские методы, от которых в Европе давно отказались. Андрей разглядывал его с куда большей заинтересованностью, нежели женщины, что не укрылось от зоркого пригляда Оксаны.

– Наш Горностаев – безнадежный технократ, – заключила она. – Теперь его от спектрометра не оттащишь. Бьюсь об заклад, еще и собственную программу для прибора накрапает.

– Да на здоровье, – усмехнувшись, заметила Надежда Леонидовна. – Глядишь, свою фирму откроет, и о нас, горемычных, не забудет.

Андрей потупился. Эту идею шефиня продвигала давно, но почему-то ставку делала не на себя, а на него. Может, потому, что других мужчин в лаборатории не наблюдалось. Предлагаемый ею проект сулил безбедность и даже обеспеченность. Золотое дно, если подойти грамотно. Можно играючи определять, стоит ли пить воду из колодца, присутствует ли отравка в продуктах, купленных в гипермаркете. На самом деле это мелочи. Никто не запрещает вбить в сферу деятельности любую куплю-продажу, рытье карьеров и даже охрану памятников культуры. Еще остаются подлинность картин и ювелирных украшений. Надежда Леонидовна вытаскала из интернета официальный финансовый отчет сходной фирмы из Омска. Прибыль за год – четыре тысячи рубликов. Уставной и собственный капитал, включая оборотные активы – десять тысяч. Разумеется, мухлюют, но с умом. Надежде Леонидовне грезились, что именно Горностаев должен стать учредителем и главой фирмы, а она при нем замом, да и претендует всего лишь на двадцать процентов от прибыли. Уже присмотрела главбуха, над отчетами которой в налоговой будут плакать от умиления.

Андрей осознал, что по большому счету, не Надежда Леонидовна должна его уговаривать, а он ее. В противном случае снимай штаны и облачайся в юбку. То ли наглости в нем маловато, то ли с избытком порядочности, доставшейся от родителей, которые считали неприемлемым любое вранье, не говоря о каких-то махинациях. Помнится, мама даже всплакнула, когда арестовали директора совхоза, ворюгу, каких поискать. «Какой стыд, господи! – восклицала она, обращаясь к мужу, недоумевающему, с какой стати она так убивается. – Как же он теперь будет глядеть в глаза жене и дочке?». Бедная мама, ей и в голову не приходило, что директор просто поторопился с предприимчивостью, через несколько лет и совхоз, и страну размели по кусочкам.

– Ты, Андрей, не кочевряжься, – многозначительно переглянувшись с женщинами, предупредила Надежда Леонидовна. – Мы тут за тебя испереживались. Оксана нашла горящий тур

в Турцию по цене в два раза дешевле обычного. Отель трехзвездочный, но ты ведь альпинист, удобства тебе по барабану. Зато десять дней у моря, да и ногу подлечишь. Я слышала, морская вода очень даже полезная.

– Спасибо девушки, – твердо проговорил Андрей и с удивлением взглянул на Оксану. – Даже не знаю, что сказать. Так неожиданно. Вы молодчаги, я рад, что работаю с вами. Честно. Только не обижайтесь, не поеду.

– Ты ведь не дурак, Андрюша, – возмутилась Оксана. – В этот год никакие горы тебе не светят.

– Что я на пляже буду делать?

Горностаев с таким отчаянием взглянул на женщин, что они дружно расхохотались.

– Дурака валять, больше от тебя ничего не требуется, – пояснила Надежда Леонидовна. – Тур оплачен и оформлен на твое имя. Так что возражения не принимаются. Купили его вскладчину, деньги вернешь, когда сможешь.

Глава вторая. «Когда подступает отчаянье»

Лабораторные дамы уверяли Горностаева, что в отелях Турции русский язык как родной. Однако девушка за стойкой администратора, улыбаясь, будто только его и ждала, щебетала исключительно на турецком. Андрею показалось, что она специально делает вид, будто не понимает русский. Его подозрения еще больше усилились, когда проследовал в номер: кондиционер и телевизор, сколько он ни пытался их оживить, стыдливо молчали. Он спустился в холл. Улыбчивая турчанка, пытаясь его понять, широко распахивала узкие глазенки и без конца повторяла «soğru». Издевалась? Вызванный на помощь турок, вероятно, лингвистически более продвинутый, выслушав претензии гостя, о чем-то спросил дежурную администраторшу, а потом долго и почтительно что—то объяснял Горностаеву на каком-то непонятном суржике. В стоворе, однозначно, решил Андрей, недобро вспомнив Оксану. Заметив за плечом турчанки объявление «Free Wi-Fi», он вернулся в номер, достал из рюкзака новый ноутбук и возвратился к стойке. Чтобы бы там ни говорили о Google, переводчик рулил. Сдержав гнев, Горностаев кратко написал, чем недоволен. Турок и турчанка, недоуменно переглянувшись, долго препирались. Судя по их репликам, выясняли, кто виноват. Турок жестом попросил гостя проследовать за ним. Они поднялись на второй этаж. Номер мало чем отличался от предыдущего, зато в нем присутствовал балкон, да и электроника беспрекословно подчинялась.

Откуда Андрей мог знать, что Оксана, подыскавшая отель, слегка слукавила. Оказалось, гостиница и на три звезды не тянет, даже нет бассейна, зато расположена не в унылом Кемере, а в крохотной бухте на Эгейском море. Городок зажат горами, аналог крымского Гурзуфа. Залив потрясающий. Туркам здешний отдых не по зубам, а для европейцев в самый раз.

Явившись на завтрак в ресторан, расположенный рядом с пляжем, Горностаев почувствовал себя советским человеком: за едой выстроилась очередь, гомонящая на разных языках. Он пристроился за седовласым пожилым мужчиной, досадуя, что рано поднялся, мог бы еще с полчаса поваляться в кровати. Минут через десять, когда за Андреем стояло больше десятка голодных постояльцев, к седоволосому туристу подкатила престарелая дама, скорее всего, жена. Они весело щебетали на английском, но потом женщина, нежно погладив собеседника по плечу, удалилась в хвост очереди. Надо же, подивился Андрей, кто бы возразил, если бы она заняла место перед мужем. Другое наблюдение, уже негативное, касалось крохотного пляжа гостиницы, на который он спустился с террасы ресторана после завтрака. Треть лежаков занимали отдыхающие, а на остальных валялись полотенца. Ни одного свободного места. Андрей бесцельно бродил по песку вдоль кромки прибоя, когда неожиданно услышал русскую речь.

– Зая, сгоришь, надень футболку.

– Котик, у меня кожа смуглая, мне солнышко нипочем.

Горностаев остановился и краем глаза окинул воркующую молодую парочку. Парень и девушка расположились на установленных впритык лежаках, повернувшись на бок, глядели друг на друга с обожанием и в упор не замечали окружающих. Судя по отсутствию загара, приехали недавно, однако плечи у обоих слегка подгорели. О принадлежности парня к россиянам красноречиво свидетельствовали узкие плавки, тогда как все иностранные мужики щеголяли в длинных шортах. Навязываться в собеседники Андрей не любил, но поскольку других русскоязычных граждан поблизости не наблюдалось, он подошел к соплеменникам, извинился за вторжение и представился. Парень с девушкой неподдельно обрадовались, вскочили на ноги и наперебой затараторили, перебивая друг друга. Матвей и Снежана сыграли свадьбу неделю назад, в этот отстойный отель их отправили предки, никаких развлечений, скукота смертная, на дискотеку нужно ездить в соседний городок. Не с кем словом переброситься, из постояльцев сплошные англичане, немцы и поляки, которые завели моду сразу после ужина занимать

лежаки, набрасывая на них полотенца, а сами и не думают загорать, весь день после бурной ночи отсыплются или где-то шляются. Торчат на пляже глупо, можно записаться на какую-нибудь экскурсию, например, они собралась посетить древний город Олимпос и огненную гору. Почему бы Андрею к ним не присоединиться?

На обратном пути с горы нога окончательно захандрила, пришлось опираться на плечо Матвея. Три дня Андрей отлеживался в номере. Хромая, спускался по лестнице в ресторан, на пляже не показывался. Валяясь на кровати с ноутбуком на животе, переписывался с Оксаной в «Одноклассниках».

«Ты там не скромничай, – наставляла она. – Приходи в ресторан пораньше, пока есть выбор, не суетись и не жадничай, накладывай в тарелки только то, что тебе нравится. О мясе даже не мечтай, оно тебе вредно, да и вряд ли ты его увидишь, так что налегай на салаты и фрукты. И пивом не заливайся, от него живот пухнет. Если вернешься с пузом, я с тобою раздружусь».

Андрей заверил, что к пиву равнодушен, благоразумно умолчав, что в ресторане стоят два автомата, выдающие всем желающим без каких-либо ограничений охлажденное сухое вино – красное и белое. Распробовав, он остановился на красном, терпком и вязком. Поначалу вино утоляло жажду, а затем вызывало легкое и приятное опьянение.

Когда позвонила мама, Андрей напрягся. Накануне отъезда в Турцию предупредил ее, что роуминг слишком дорог, но она, похоже, не поняла, что сын имел в виду. Мама не разбиралась в электронных технологиях, когда предложил ей в подарок ноутбук, запротестовала. Хорошо, что хоть простенький мобильник освоила.

Звонок полоснул по сердцу, в горле застрял ком. Он так и не признался, что сломал ногу. А ведь она, названивая ему, неизменно спрашивала о здоровье. Причем с такой дотошностью, что Андрей злился и однажды наругал. Ну почему мама наотрез отказывается переехать к нему? Он ведь костями лег, чтобы собственным жильем обзавестись, втайне надеясь, что она таки продаст дом в проклятом поселке. Что ее держит в Крыму? Могилы? Он не раз объяснял, что будет возить ее к ним ежегодно. Тяжело вздохнув, Горностаев нажал на кнопку.

– Сыночек, ты как? Места себе не нахожу, чует сердце, с тобой что-то стряслось.

– Я в Турции, мама, на море отдыхаю, когда вернусь, сразу к тебе приеду. Ты-то как? Не болеешь?

– Далась тебе эта Турция, дома, поди, куда лучше. Сынок, у меня сердце вещун. Тебе плохо?

– Мама, ну что ты заладила? – рассердился Андрей. – Здоровый я.

– Раньше летом по горам лазил, а теперь в Турцию умотал, – резонно возразила мама.

– На работе льготную путевку выделили, – соврал Андрей, надеясь, что мама не слишком разбирается в рыночных реалиях и не знает, что профсоюзы давным-давно приказали долго жить.

– Путевку? – с сомнением переспросила мама. – Тогда ладно, отдыхай, сыночек. Жду тебя.

И первой повесила трубку, что было для нее несвойственно.

Отложив телефон на прикроватную тумбочку, Андрей уставился в потолок. У него с мамой давно установилась незримая связь, преодолевающая любые расстояния. Он будто бы ежеминутно находился под ее круглосуточной опекой, даже когда спал. После того, как они осиротели, мама словно окаменела, но при этом не пала духом, не ушла в себя, заботилась о нем, будто никакой трагедии не случилось, и даже мечтала об его будущем. Настояла, чтобы он уехал из поселка и поступил в институт. Даже город ему подобрала, объяснив, что негоже

отдаляться от малой родины, как это сделал покойный отец. Ему показалось, что мама выпроваживает его, чтобы остаться одной и нагореваться. А может ей просто хотелось, чтобы сын опамятовался, оттаял в тех краях, где прошло его раннее детство, нашел свое призвание, обзавелся семьей, и она на старости лет порадовалась бы внучатам. Когда мама по телефону ненавязчиво интересовалась, не надумал ли жениться, он отшучивался, сетовал, что с деньгами напряг, какая уж тут свадьба, а она отвечала, что после войны, по воспоминаниям односельчан, было куда хуже. Между тем бабы детей рожали, а мужики и в колхозах пахали, и гидроэлектростанции строили, и целину поднимали.

Андрей вздыхал, обещал исправиться, но не осмеливался объяснить: ни одна из девушек, с которыми он встречался и делил постель, так и не затронула его сердце, хотя некоторые даже признавались в любви. Может, я урод, не способный любить, задавался он вопросом, и не находил ответа. Эту странную черствость в его характере замечали друзья, некоторые советовали обзавестись постоянной подружкой, пожить с нею хотя бы годик, а там, глядишь, приклеятся друг к дружке, обломав острые углы. Горностаев и сам не понимал, какая лихоманка его точит, почему очередная понравившаяся ему девушка уже через неделю совместного проживания вызывает неприятие, смешанное с досадой на самого себя. И ведь не сказать, что ему встречались испорченные особы или законченные эгоистки. Как раз наоборот, некоторые девушки, как считали его друзья и знакомые, подходили ему как нельзя лучше. Тем не менее, он их выпроваживал. Одна из отверженных, прощаясь, назвала его выродком, с чем он, улыбнувшись, согласился. Со временем Андрей ожесточился, девушкам наперед объяснял, что женоненавистником не является, но предпочитает вести холостяцкую жизнь. Вероятно, он бы еще долго искал причину острого неприятия потенциальной женитьбы, если бы не Вероника. Когда он заявил, что им нужно расстаться, она, одеваясь, обратила внимание на фотографию, забытую им на столе.

– Это кто?

– Старшая сестра. Она умерла, – коротко объяснил Горностаев.

– Вот оно что, – с усмешкой протянула Вероника. – Ты больной, Андрюша, ищешь женщину, похожую на нее. Помяни мое слово, когда встретишь, сто раз пожалеешь.

Горностаев не обратил внимания на этот выпад, посчитав, что Вероника, обидевшись, решила побольнее уязвить, но впоследствии не раз с удивлением убеждался, что ему и в самом деле больше нравятся девушки, внешне похожие на Катю.

Будь сестра намного старше Андрея, вероятно, они бы не стали закадычными друзьями. А так – всего год разницы, можно сказать, ровесники. К тому же у Катюхи ничего девчачьего и близко не наблюдалось.

– Что за наказание, – сетовала мама, – думала, девочку родила, а оказалось какую-то бедокурку.

Обижалась, что дочка и не думает отращивать косички, стрижется коротко, хотя волосы у нее на загляденье: густые, шелковистые.

Катя, гораздая на проделки, в таких случаях скромно улыбалась, исподтишка показывая язык братишке, который во всем старался походить на боевую сестренку. В родном селе зимой они совместно с другими мальчишками строили снежные крепости, устраивали сражения, атаковали недругов, забрасывая их снежками. Высшим шиком считалось угодить неприятелю в лицо. Когда речка замерзала, устраивали хоккейные баталии, причем из Кати получился классный вратарь, соперники до хрипоты спорили, на чьей стороне она будет играть. Отец, главный механик «Сельхозтехники», хоть и неплохо зарабатывал, но скорбел, когда приходилось покупать коньки с ботинками, слишком быстро у детей росли ноги. Игра порой до того

захватывала мальчишек, что они, разгоряченные, сбрасывали с себя верхнюю одежду, оставаясь в рубашках и футболках, синяки от лютой шайбы не проходили неделями.

Летом по ночам уличная детвора обносила сады. Воровство не считалось зазорным, сами по себе яблоки, сливы и груши значения не имели, каждый налетчик в родном саду мог наесться ими от пуза. Ночные атаки таили риск нарваться на хозяина, который мог запросто надрать уши или спустить с цепи злобную собаку. Варвара Ефимовна чинила порванную детскую одежду и корила мужа, дескать, отпрыски совсем от рук отбились, а он им только потакает. Игнатий Иванович задумчиво теребил усы, напускал на лицо суровость и обещал заводить дочке всяческие кары, даже ремнем потрясал, но Катюша знала, что воспитательные беседы проводятся только для вида, отец, обожающий бедовую дочурку, и пальцем к ней не притронется, он даже втихомолку гордится ею и наедине называет козой-егозой.

В отличие от Андрея, которому учеба давалась туго, Катя благодаря цепкой памяти новые знания схватывала с лету, на домашние задания тратила гораздо меньше времени, чем он, втайне от матери, учительницы русского языка и литературы, решала за него арифметические задачки, а он их только переписывал. Катя к удивлению взрослых не любила сладкое, шоколадные конфеты из новогодних подарков, которые родители приносили с работы, отдавала маме и брату, уважала «Золотой ключик», но только тянучку, а не рыхлятину.

Мама завела два десятка кур, поросенка и корову. А куда деваться, это ведь не город с продуктовыми прилавками, семью кормить надо. Выручал огород в десять соток, на котором они сажала картошку, огурцы, помидоры и прочие овощи. Отец договорился с мужиками, и те за три дня выкопали в саду колодец, в который опустили бетонные кольца.

Игнатий Иванович разбирался не только в тракторах, руки ему пришили куда надо. Сельские жители, как правило, неодобрительно относятся к тем, кто слишком щепетилен к бытовым удобствам, особенно к туалетам. Мужики обычно роют яму, ставят поверх деревянную будку с дыркой в полу и этим ограничиваются. Отец отнесся к сооружению нужника серьезно, снаружи оббил его фанерой, чтобы зимой не задувало, внутри установил деревянный стульчак с сиденьем и крышкой от городского унитаза. На боковой стенке – рукомойник, которым зимой не пользовались, рядом на полочке мыло. К туалету проложил бетонную дорожку. Гости обычно недоуменно переглядывались, считая такую барскую уборную блажью.

Старый дом, который отцу выделила «Сельхозтехника», он снес, на его месте построил новый. Мама рассказывала, что муж сразу после свадьбы предупредил, что у них будут сын и дочка, и негоже им жить совместно. Так что дом возвел четырехкомнатный, с коридором и кладовкой. Одна из комнат, самая большая, служила кухней и гостиной, во второй спали взрослые, а остальные отвели детям. Игнатий Иванович не чурался городского комфорта и первым в селе приобрел югославскую стенку, не отставала от него и супруга, любительница литературы, возвращаясь с областных совещаний педагогов, привозила книги. На полках теснились полные собрания Джека Лондона и Чехова, творения Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Достоевского. Андрюша еще до школы прочел все три повести Николая Носова о Незнайке. Катю детские книжки мало интересовали, в восьмилетнем возрасте она одолела «Мертвые души» и замучила маму слишком взрослыми вопросами.

Обучаясь в институте, Андрей часто с безысходной тоской вспоминал раннее детство, все больше утверждаясь в мысли, что лучшего периода в его жизни никогда не будет. После окончания первого курса он приехал к маме и впервые осмелился задать вопрос, который давно не давал покоя. Почему отец перевез семью в крохотный крымский поселок? Мама тяжело вздохнула и пожала плечами.

– Увидел в районной газете диковинное объявление об обмене, удивился, загорелся. Крымчане надумали переехать к родственникам, наш дом им понравился.

Объяснение мамы Андрея не удовлетворило, но надоедать ей с расспросами поостерегся, хотя считал, что она недоговаривает. Как ни крути, переезд не вязался с логикой и выглядел

абсурдно, скорее, напоминал бегство. Это знаменательное событие случилось за год до того, как заговорщики, окопавшиеся в Беловежской пуще, похоронили Советский Союз. Никто в семье на здоровье не жаловался, в морском воздухе не нуждались. В приморском совхозе отцу предложили поработать слесарем, других вакансий не нашлось. Он стойчески перенес столь неравнозначную перемену в служебном статусе и никогда не жаловался. Мама устроилась преподавателем в городе, расположенном в восьми километрах от поселка, каждый день вместе с детьми ездила в школу на рейсовом автобусе, а зимой, когда дорогу переметало снегом, вместе с ними возвращалась домой пешком. Да и с жильем батя обмишурился. Сложенный из самана дом, покрытый рубероидом, таил неприятный сюрприз. Летом он действительно дарил прохладу, чем и соблазнил отца, а вот зимой, когда влажность зашкаливала, а ледяной ветер с моря пробирал до костей, обогреть дом, несмотря на все ухищрения, не удавалось.

Андрей воспринял переезд как приключение, сулящее новые впечатления и знакомства, а Катя долго не могла опомниться: ей, верховодящей среди мальчишек и девчонок родного села, пришлось заново отстраивать отношения со сверстниками, которые, как оказалось, ни в грош ее не ставили. Катя поникла, улыбалась редко, на вопросы обеспокоенных родителей отвечала грубо: «Отстаньте от меня». Перестала секретничать с братом.

Ее преображение из девочки в девушку он не заметил, очень удивился, когда она начала встречаться с Толстолобиком, подлым и липким, как изолента. Предприимчивый кооператор не только завладел пляжем, но и установил подле него кафе с заоблачными ценами.

Андрей долгие годы не интересовался, что происходит за пределами поселка. Родители поучаствовали в референдуме. Ну и что? Чуть ли не весь Крым захотел стать автономной республикой Советского Союза, а в итоге полуостров достался Украине. Споры родителей, нужен ли Крыму новоизбранный президент, вознамерившийся присвоить себе диктаторские полномочия, парня не слишком волновали, он осваивал горы. Ему, выросшему на равнине, они сразу пришлись по сердцу. Андрей пешие походы на Караби и Чатыр-Даг поначалу совершал в одиночестве, но вскоре познакомился с подростками из других городов и поселков Крыма. Собирался всерьез заняться скалолазанием, но планы полетели кувыркком.

После окончания средней школы Катя по совету матери решила поступать в Харьковский педагогический институт, штудировала учебники, зубрила английский, а по вечерам бегала на свиданки. Андрей понимал, что несправедлив к рослому симпатичному парню, ставшему хозяином кафе благодаря своему папаше, занимавшему какой-то важный пост в горисполкоме. Толстолобиком Андрей обозвал его из вредности, на самом деле Влад не строил из себя крутого парня и совсем не походил на новых русских – героев множества едких анекдотов. Да и цены в его кафе ничем не отличались от городских. Много лет спустя Андрей пришел к горькому выводу: невзлюбил Влада из-за того, что не хотел ни с кем делить внимание обожаемой сестренки. Неприязнь Андрея еще больше усилилась, когда Катя по секрету призналась, что Влад сделал ей предложение, они договорились через год пожениться.

Кафе располагалось на пляже, который от поселка отделяла трасса. В тот день Варвара Ефимовна нагрузила дочку домашними хлопотами, много времени отняла стирка. Со свиданий Катя обычно возвращалась сразу после полуночи. Варвара Ефимовна проснулась в половине второго, зашла в ее комнату. Пусто. Мужа будить не стала, проворочалась в постели до полпятого, быстро оделась и отправилась в кафе. По зареванному лицу официантки, подружки дочери, сразу поняла, что случилась беда. Увидев гостью, девушка разразилась безутешными рыданиями и сбивчиво, сквозь слезы, рассказала, что произошло. Когда Катя переходила дорогу, ее сбила машина, либо «восьмерка», либо «девятка» белого цвета. Один из посетителей кафе видел, как легковушка, невзирая на «зебру», на огромной скорости ударила девушку, подбросила на капот и выбросила на середину дороги. Автомобиль, погасив габаритные огни, умчался. Прибыла милиция, а за нею скорая помощь, врачи констатировали смерть. Катю погрузили в машину. Влад уехал вместе с нею.

До дому Варвара Ефимовна добиралась долго: ноги не держали. Присаживалась прямо на землю. Мысли в голове путались, невысказанное известие настолько поразило ее, что она не понимала, где находится. Беспомощно и подслеповато оглядывалась по сторонам, не зная, куда идти. Временами ей казалось, что ничего дурного с дочкой не случилось, врачи что-то напутали, ей в больнице окажут помощь и через пару дней она вернется. Подойдя к знакомой калитке, Варвара Ефимовна тяжело оперлась на нее. На пороге появился Игнатий Иванович, который, проснувшись, обошел дом и обнаружил только крепко спящего сына.

– Игнат, нашу Катю насмерть сбила машина, – еле слышно произнесла Варвара Ефимовна.

Муж подбежал к ней, ухватил за руки.

– Мать, ты соберись, соберись.

Варвара Ефимовна непонимающе смотрела на него.

О том, что сестра погибла, Андрей узнал не от родителей. Пробудившись, вышел на кухню и удивился, не увидев сестренку, которая в это время обычно готовила завтрак для семьи. Тишина в комнате родителей еще больше обеспокоила, но открывать дверь не решился. Загулялась сеструха, подумал он, дивясь ее поступку. У мамы с папой, должно быть, совещание по этому поводу. На двери кафе красовалась табличка с надписью «Закррито». Андрей нетерпеливо подергал дверь, за стеклом возникла официантка. Лицо ее перекопилось, будто увидела динозавра.

Она усадила его за столик, метнувшись в подсобку, принесла коньяк, две рюмки и тарелку с шашлыком.

Разлив спиртное, предложила:

– Выпей, Андрюшка. И я вместе с тобой. Чокаться не будем.

Он с недоумением уставился на нее. Опухшие веки, слезливые глаза и вид побитой собаки.

– Что случилось?

– Влад позвонил, ему гаишники рассказали. Они «девятку» с разбитым лобовым стеклом тормознули. За рулем сидел молодой парень, по виду трезвый, рядом с ним – поддатый пассажир, а на заднем сиденье – две клюкнутые девицы. Водитель, назвавшийся Михаилом Сушковым, сразу раскололся, мол, живет в Калуге, в Крым его на «девятке» привез приятель. Сидели они в баре, тот хряпнул водки, вот и пришлось Сушкову садиться за руль, хотя прав у него нет. Ехал под шестьдесят, что-то грюкнуло в стекло, девушки завопили, что это кирпич, потребовали отвезти их домой.

Заметив, как непроизвольно сжались кулаки Андрея, официантка мягко посоветовала:

– Влад без тебя разберется. Подумай лучше о родителях. Ты у них один остался.

Парень залпом выпил коньяк, бросил в рот комок плохо прожаренного мяса, встал и удалился.

Горе, внезапно свалившееся на семью, оказалось настолько непереносимым, что Горностаевы практически не общались, жили наособицу. Андрей, отрешенно уставившись в потолок, валялся в кровати, ел неохотно, после долгих уговоров мамы. Вернувшись в свою комнату, обдумывал планы мести. Через несколько лет мама рассказала, что на третий день после гибели Кати к ним приехали двое молодых москвичей. Предложили в качестве компенсации баснословную сумму, причем в долларах. Отец выставил их за дверь, сказал, что жизнью дочери не торгует, пусть отдадут бабло кому угодно – милиции, прокурору или судье. Объяснил супруге, что не хочет, чтобы убийца дочери по земле ходил, улыбался и в ресторанах музыку слушал. Его словам мама тогда не придавала значения, в горячке чего только не скажешь.

Влад нанял хорошего адвоката, часто навещался, делился новостями. Сушкова задержали: скрылся с места происшествия, да к тому же российский гражданин. Укатит домой, попробуй выцарапать. Однако прокуратура санкцию на арест не дала, через трое суток его выпустили на свободу под обязательство не выезжать за пределы города. Через две недели он уехал в Калугу. Дело передали от одного следователя другому.

– Затягивают, хотят отмазать уroda, – высказал опасение Игнатий Иванович.

– Менты говорят, что если даже суд не найдет состава преступления, то статью «оставление в опасности» никто не отменял, – успокоил его Влад, но тот ему не поверил.

Через месяц Влад позвонил и рассказал, что приезжает Сушков, на ближайший понедельник следователь назначил ему очную ставку со свидетелем, чтобы установить, с какой скоростью ехала «девятка», когда сбила Катю. Мероприятие пройдет в два часа в здании ГАИ, в кабинете следователя. Позже Влад не раз жалел об этом разговоре, за язык его никто не тянул.

Игнатий Иванович, доселе пребывающий как бы в столбняке, ожил, на лице появилось осмысленное выражение, а в глазах нездоровый блеск. Сбрил изрядно отросшую бороду, залез на крышу и в одиночку просмолил толь, хотя нужды в этом не было. Показал жене, как регулировать отопительную систему, чтобы она не разморозилась.

– Ты далеко собрался? – удивилась Варвара Ефимовна.

– Мать, ты должна это знать, – ответил он, отводя глаза.

В роковой понедельник Игнатий Иванович зашел к сыну.

– Присмотри сегодня за матерью, хорошо? – попросил будничным тоном.

Андрей удивился и пообещал никуда из дому не отлучаться. К тому времени он выяснил, где в городе можно купить пистолет, оставалось только раздобыть деньги. Калужский адрес выродка пообещал узнать Влад. Андрей много раз представлял, как звонит в квартиру, убийца сестры открывает дверь, а он нажимает на курок. Один раз, второй, третий. До тех пор, пока не опустошит всю обойму. Пускать себе пулю в лоб Андрей не собирался, слышал, что в тюрьме мстителей уважают, не пропадет.

Часа через три к дому подкатила скорая помощь. Заслышав шум машины, Андрей выбежал во двор и недоуменно уставился на вывалившихся из нее гостей. Влад и двое медиков, сосредоточенные и смурные.

– Где мать? – шепотом спросил Влад.

– Не знаю, – тихо ответил Андрей. – В кухне, наверное. А что случилось?

Троица проследовала в дом, парень заторопился за ними.

Мама жарила на плите картошку. На ее стареньком вылинявшем платье красовался белый передник. Увидев Влада и медиков, вошедших гуськом на кухню, побледнела, выронила деревянную ложку, которая, упав на пол, забрызгала его каплями подсолнечного масла, едва передвигая ноги, добралась до стола и грузно опустилась на стул.

– Тут такое дело, Варвара Ефимовна, – глухо проговорил Влад и оглянулся на врача, который, поставив на пол чемоданчик с красным крестом на боку, деловито копошился в его содержимом. – Игнатия Ивановича больше нет.

Помолчав, почему-то уточнил:

– Умер.

К маме подошел медик со шприцем и сделал ей укол. Его коллега с беспокойством взглянул на Андрея. Тот с трудом выдавил из себя:

– Не надо.

Подойдя к матери, опустился подле нее на пол, уронил голову ей на колени. Она прижала ее к животу, ласково теребя волосы сына, несколько раз повторила:

– Крепись, мальчик, крепись.

Медики отвели маму в спальню, вышли минут через десять, сообщив Владу и Андрею, что часа два пациентку лучше не беспокоить. В случае нервного срыва следует немедленно вызвать бригаду.

После отъезда врачей Влад провел Андрея в его комнату, предложил прилечь. Андрей сел. Глаза его оставались сухими, трагическая новость как бы пролетела сквозь него, не затронув сердце, он еще не осознал в полной мере правду, ужасную и беспощадную, неумолимую и бесчеловечную. Сначала Катя, теперь – отец? Такого просто не может быть. Всего несколько часов назад он видел папу живым и здоровым. С чего бы ему умирать?

Влад медленно, с трудом, запинаясь и прокашливаясь, начал рассказывать. В кабинете кроме следователя, находилось несколько человек. Вошел Сушков со своим адвокатом, женщиной. Свидетель запаздывал. К удивлению следователя, на пороге появился Игнатий Иванович, которого он не вызывал, и сразу спросил:

– Кто здесь Сушков?

– Да вот же он, – указала рукой на подзащитного адвокатша.

Игнатий Иванович подошел к нему, обнял левой рукой. В правой, прижатой к животу, держал какой-то предмет. Раздался громкий щелчок, а затем прогремел взрыв. Менты уверяют, что если бы вместо гранаты РГД-5 взорвалась Ф-1, осколки которой поражают в радиусе двухсот метров, в кабинете никто бы не выжил. А так погибло двое. Остальные отделались легкими ранениями.

– Не знаешь, где отец гранату раздобыл? – поинтересовался Влад.

Андрей пожал плечами. Какая разница? Отца больше нет, а все остальное не имеет значения. Он похолодел: если бы сам убил подонка, батя остался бы жив.

Влад, должно быть, догадался, что его мучает.

– Андрюха, ты для меня вроде младшего брата. Не казни себя, так получилось. Я переночую у вас, не возражаешь?

Андрей отмахнулся, делай, как знаешь. Уткнувшись лицом в подушку, он зарыдал в голос, его тело содрогалось в конвульсиях. Влад, присевший на краешек кровати, молчал и подрагивающей рукой вытирал со своих щек слезы.

На четвертый день добровольного заточения к Андрею в номер отеля пришли гости, смущенные и обеспокоенные. Матвей и Снежана, чувствуя себя виноватыми, поинтересовались, болит ли нога, не нужны ли лекарства, наперебой начали объяснять, мол, если бы знали о травме, не потащили бы его на гору.

– Бросьте, ребята, сам виноват, – с улыбкой успокоил их Андрей.

Переглядываясь, молодожены поведали, что есть замечательная экскурсия на Памуккале. Эта гора – нечто вроде белоснежной пещеры наизнанку. На ней больше дюжины минеральных источников, вода тысячи лет стекает по склону, в результате появились каскады обалденно красивых бассейнов, называемых травертинами. Но это не главное. Андрей сможет искупаться в целебном бассейне Клеопатры, который лечит множество болезней, к нему туристы со всего мира съезжаются. Когда нога перестанет его беспокоить, можно будет туда скататься. Если у него с деньгами не густо, они готовы все расходы взять на себя.

Горностаев пообещал подумать. После их ухода залез в интернет, позабавило, что между травертинами на Памуккале ходят исключительно босиком. А что касаясь Клеопатры, турки любят пыль в глаза пускать, египетская царица, пожалуй, бассейн и в глаза не видела, но почему бы и не поплескаться, глядишь, и в самом деле полегчает. Да и лабораторным феям будет о чем рассказать. Разглядывая электронную карту Турции, он подумал, что у турок с морями раздолье, на севере – Черное, на юге – Эгейское, а вот с высокими вершинами

не густо, только один пятитысячник – Арарат. Если бы армяне по милости большевиков не лишились горы, он бы на нее поднялся. И не ради мифического Ноева ковчега, хотя некоторые альпинисты клянутся, будто видели во льду нос корабля, а дабы обозреть с верхотуры сразу три страны – Турцию, Иран и Армению. Приятель, побывавший на горе, написал, что зря угробил кучу времени и денег на перелеты, к тому же турки без специального разрешения, именуемого пермитом, на вершину не пускают, а сам подъем подходит даже тем, кто в альпинизме не сечет.

Горностаев заинтересовался Араратом по той причине, что его проект под названием «самые высокие вершины стран и континентов», который он задумал осуществить в одиночку, почти исчерпался. Первым в его списке значился Эльбрус. Соло прошло без сучка и задоринки, в чем он не сомневался, поскольку выпендриваться не стал и выбрал классический южный маршрут: километр подъема от скал Пастухова – ерунда.

Да и готовился не абы как: на двуглавой вершине побывали тысячи восходителей, даже пенсионерам она под силу, между тем поглотила больше жизней, чем Килиманджаро или Мак-Кинли.

Килиманджаро, которую альпинисты ласково называют Кили, считается крышей Африки. Расположена гора в Танзании, если бы она не являлась обязательным пунктом проекта, Андрей не стал бы с нею связываться.

Восемьсот баксов за пермит – форменный грабеж. Да и местные власти вцепились в нее не на шутку: неукоснительная регистрация, восхождение только в составе группы, причем в сопровождении носильщиков, именуемых портерами, и непременно с гидом. От портеров Андрей отбоярился, а с гидом Мачаме общался жестами: какой там русский язык, тот и в английском не кумекал, но зато оказался классным парнем. До пика Ухуру, самой высокой точки Кили, они добрались за три дня. Могли бы управиться и быстрее, но гид посоветовал подняться на пик до рассвета, чтобы в поднебесье встретить восход солнца. К оранжевой таблице с надписью Mount Kilimanjaro, торчащей на вершине, они подошли в шесть утра, когда светило едва вспоролو горизонт. Клочковатые облака под ногами полыхали, будто их облили бензином и подожгли, но как только ярко-оранжевый диск приподнялся повыше, пожар утихомирился, а оком зарумянилось, разлилось вширь, заполнив все видимое пространство, которое по мере подъема солнца окрасилось сначала в бледно-голубой, а затем в бирюзовый цвет. Пораженный диковинным зрелищем, Горностаев пожалел, что в фотоаппарате из-за мороза сели батарейки. Расставаясь с Мачаме после восхождения, Горностаев сгреб его в объятия, отвалил нехилые чаевые. Еще до поездки на гору Андрей узнал, что национальный парк, на территории которого расположена гора, ловко устроился: гидам не платят ни копейки в расчете на то, что деньгами их будут снабжать туристы.

Третьим в списке Андрея значился Мак-Кинли – шеститысячник Аляски, которую Россия продала американцам. Это самый высокий пик Северной Америки. В базовый лагерь Горностаев прилетел на самолете. Никакой разницы между днем и ночью, всюду снег и камни, народу до черта: одни спускаются, другие поднимаются. На подъеме американский гид, сопровождающий спускающуюся группу, возмутился, почему Андрей не пристегнулся к веревке. Горностаев английский к тому времени кое-как освоил, но послал его чисто по-русски. Тот не обиделся, сказал, что русских альпинистов за версту видно, но в его группе японцы, народ дисциплинированный, попросил не искушать их безалаберностью. Спустившись в базовый лагерь, расположенный на высоте четыре тысячи триста метров, Горностаев насчитал более двухсот палаток и впервые подумал, что его проект далеко не свеж – устарел лет эдак на пятьдесят.

Готовясь к поездке на Памир, Андрей утешался тем, что таджики, в отличие от шустрых африканцев, плату за восхождение на свои вершины ввести не догадались. Правда, самую высокую гору – пик Коммунизма – таки переименовали в честь эмира Исмаила Самани, а вто-

рую по высоте вершину – пик Ленина – стали называть Абу Али ибн Сина. Горностаев не возражал, Авиценну в мире все знают.

Памир слегка смутил Горностаева, на семитысячники он раньше не поднимался, а дополнительные две тыщи метров по вертикали не шутка. Для себя решил, хоть убейся, а пик Коммунизма надо штурмовать. На спуске с пика Ленина, куда менее сложном, в семьдесят четвертом году, погибли восемь советских альпинисток, якобы из-за плохой акклиматизации и снежной бури, валившей с ног. Об этой трагедии тогда написали все газеты мира. У Андрея сложилось собственное мнение: не нужно создавать чисто женские группы, каждая из девушек, сама по себе, могла бы справиться и с горняшкой, и с обморожением, а вместе они слишком понадеялись друг на друга. А еще лучше – ни на кого не рассчитывать, полагаться только на себя. С жертвами пика Коммунизма еще хуже, в тридцать третьем при первовосхождении погибли двое альпинистов, в последующие годы количество жертв только увеличивалось, будто гора, осерчав, мстила за то, что стала местом паломничества.

Зря Горностаев так опасался пика Коммунизма, в базовом лагере насчитал более двадцати палаток, нашлись такие же, как и он, одиночки. Ребята долго обсуждали тактику штурма, делились советами. Если не считать обмороженные ноги, гора отнеслась к Андрею по-родственному, как к сыну, который не ладит с головой. А вот одного из альпинистов, который штурмовал гору в сопровождении выдавшего вида гида, не пожалела. Бедняга сорвался с гребня и упокоился на высоте семь тысяч метров. Этот случай в базовом лагере долго обсуждали и ожесточенно спорили. Куда смотрел гид, почему не страховал. Андрей в полемику не вмешивался, понимая, что никакой проводник, будь он десяти пядей во лбу, абсолютную безопасность в горах гарантировать не может. Это не Горностаев придумал, так сказано в правилах ассоциации международных гидов. Любое восхождение на семитысячник – риск вроде гусарской рулетки.

На Тупунгато в Аргентине Андрей поднялся из принципа, все же самая высокая точка Южной Америки. Никаких промежуточных лагерей, по сравнению с пиком Коммунизма, пустячная прогулка. В Австралию, где главенствует гора Косцюшко, едва превышающая высотой два километра, решил не лететь, это уже пародия, а не альпинизм. Вместо нее поднялся на Монблан, не дотягивающий до пяти тысяч. В хорошую погоду на него забираются инвалиды и преклонные старики.

В Гималаях Андрея интересовал только Эверест, его он оставил на закуску, а в качестве разминки решил подняться на Белуху: как ни крути, наивысшая вершина Алтая и Сибири. Знал бы, чем все закончится, лучше бы выбрал Урал, вскарабкался бы на гору Народная, выше которой в регионе нет, а заодно до отвала наелся бы хариуса и нельмы.

Горностаев усмехнулся, вспомнив Оксану, которая в присутствии коллег во время обеденного перекуса как-то заметила, что все страны мира он рассматривает только с одной точки зрения – наличия или отсутствия горных вершин. Андрей рассердился и начал доказывать, что это не так. Оксана ехидно улыбнулась и спросила:

– Насколько мне известно, ты и на Монблане побывал?

– Ну и что?

– На Италию и Францию с верхотуры полюбовался?

– А как же.

– Я тебя и не осуждаю, но по пути мог бы заглянуть в Рим или в Париж, посетить знаменитые музеи. Поверхностный у тебя кругозор, Андрюша, ограниченный, нельзя игнорировать духовные ценности. Считаешь, на Джоконду с ее неразгаданной улыбкой можно и в интернете поглазеть? Согласись, это все равно, что рассматривать фото Эвереста на экране компьютера.

– Не обращай на Ксюшу внимания, она просто завидует, – посоветовала Надежда Леонидовна.

– Вовсе нет, – возразила Оксана. – Я считаю, что красоту природы в должной мере может оценить только просвещенный человек, и не обязательно переться к черту на рога.

– Не знаю, насколько я просвещена, – с иронией прокомментировала Надежда Леонидовна. – Меня, например, ни на какую вершину не заманишь, а в Париж скаталась бы, да только не за что. Спасибо Союзу, успела по профсоюзным путевкам съездить в Москву и Ленинград, в Третьяковке и в Эрмитаже побывала.

– Вот-вот, – подхватила Оксана. – А нашему Андрюше музеи по барабану. Не так ли, Горностаев? Чего молчишь?

Андрей пожал плечами. Говорить не мастак, а банальностями Оксану не проймешь. Вряд ли он сумеет доходчиво объяснить, что такое риск, от которого покалывает сердце и бегают мураши по коже, и убедить ее, насколько это здорово – преодолевать самого себя, испытывая организм на разрыв.

– Я собираюсь на Белуху сходить, почему бы тебе не составить компанию? – предложил он. – А там разберемся, кто из нас образован наилучшим образом.

– Оно мне надо, – возразила Оксана. – При чем здесь образованность?

– Сдрейфила! – возликовала Надежда Леонидовна. – Языком молоть – не ледорубом махать.

Молчавшие во время разговора женщины весело расхохотались, чем привели Оксану в замешательство. Она зыркала по сторонам и о чем-то долго размышляла. Решившись, выпалила:

– Не думайте, что взяли на слабо. Как бы тебе, Андрюша, пожалеть не пришлось.

Но случилось так, что Оксана в разгар лета за две недели до отъезда подхватила двустороннее воспаление легких, чем удивила не только Андрея, но и всех сотрудниц лаборатории. На улице от зноя на деревьях листья вяли, а она угодила в больницу.

Горностаев сразу бы полез в бассейн Клеопатры, но оказалось, что совершать животворное омоложение можно только в составе группы. Пришлось и ему побродить меж ослепительно белых травертин, наполненных поразительно прозрачной теплой водой. Многие туристы, раздевшись, перемещались от одного мелкого озерца к другому в плавках и купальниках. Пришедшие в умопомрачение молодожены тоже сняли верхнюю одежду, ахали и охали, с восторгом плескались под водопадами, призывали и спутника раздеться, но Андрей остался в футболке и шортах. На полдороги развернулся и направился к выходу. Обилие туристов его раздражало, да и ногу лучше приберечь для свидания с водицей Клеопатры.

Экскурсоводша, раздававшая на лужайке билеты в бассейн, огорчила всю группу: встреча через час на этом же месте, опоздавшие вернутся в отель своим ходом. Оставив в камере хранения вещи, туристы ломанулись к турникету, будто поголовно страдали хроническими болячками. А, может, поверили, что омолодятся лет на десять. В бассейне, куда он добрался по дну канала, собралось человек сорок, включая детишек. Вода по пояс взрослому человеку, но с какого-то бодуна на дно свалили фрагменты античных колонн? Об одну из них Андрей, поскользнувшись, больно ушиб ногу. Хорошо хоть здоровую. Вода теплая, тело покалывало, на коже появились крохотные пузырьки. Поплескавшись, перебрался через колонну туда, где глубже. Молодой парень, плывший навстречу Андрею, в изумлении уставился на него. Горностаев взгляделся и тоже удивился. Славик, брат Лены.

– Вот так встреча, – воскликнул Слава. – Глазам не верю.

Они вернулись в мелкую часть бассейна и расположились на торчащей из-под воды колонне.

– Я с Машкой, подругой, – объяснил Слава и помахал девушке в бирюзовом купальнике. – А тебя какие черти сюда занесли?

Горностаев объяснил. Погрустнев, Слава поведал, что Лена сейчас в Америке, в Лос-Анджелесе, вышла замуж за бывшего русского, переехавшего туда на ПМЖ еще в девяностые. Недавно побывала в Лас-Вегасе, прислала кучу фоток.

– Может, расскажешь, какая кошка между вами прошмыгнула?

– Долгий разговор, – нехотя произнес Горностаев, не расположенный откровенничать даже с братом Лены. – У меня время заканчивается, рад был тебя повидать.

Андрей слез с колонны и побрел к выходу.

– Подожди, – крикнул вслед Слава. – Продиктуй номер мобильника.

– Все равно забудешь, – обернувшись, ответил Горностаев. – Напиши в личку в «Одно-классниках».

На обратном пути в автобусе Андрей, насупившись, молчал. Новобрачные, сидевшие спереди, несколько раз пытались его развлечь, но, убедившись, что спутник не расположен к разговорам, отстали. В номере он включил ноутбук, дважды щелкнул мышкой по папке «Белуха», пробежав глазами по содержимому, отыскал среди фотографий искомую, наделавшую много шума в социальных сетях, ее перепостили десятки тысяч человек, сопроводив фото восторженными комментариями. Снимок сделал альпинист Глеб Дворкин. Никакого чуда – профессиональная камера в умелых руках, помноженная на зоркий глаз и толику удачи. Он снял Лену со спины, когда она бежала навстречу Горностаеву, вернувшемуся с Белухи. Девушка парит в воздухе, широко разбросав руки, будто взлетает. Один из посетителей блога под заголовком «Вот это любовь» разместил клип группы «Иванушки» с припевом о самом лучшем парне на свете, в которого влюбиться очень легко.

Влюбиться легко, а разлюбить еще легче, с горечью подумал Андрей. Воспоминания о Лене он загнал в потаенный уголок памяти, будто поместил в сейф с кодовым замком. Значит, Америка. Ничего удивительного, могла бы рвануть в Австралию или в Индонезию, с нее станется. Ну и ладно, недаром же говорят, кому многое дано, с того больше спросится. Хотя в Евангелии от Луки сказано несколько иначе: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут». Многие люди почему-то забыли продолжение: «А который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше». Это знамение нашего времени: подгонять под себя цитаты и поговорки, выдергивать из контекста мысли, удобные для употребления. Палец Андрея завис над клавишей Delete. Хорошая вещь компьютер, нажал на кнопку – и вся информация исчезнет, будто ее никогда не существовало. Жалко, что человеческий мозг устроен по-иному, волшебной кнопки не существует. А, может, и к лучшему. Расправиться с изображениями всегда успеет, да и зачем, если памятная фотография по-прежнему красуется на десятках сайтов. Андрей выключил ноутбук и отправился на пляж.

Глава третья. Уйма вольт и зонтик в ключья

Выбравшись из автобуса в селе Тюнгур, что на берегу Катуня, Горностаев впрягся в рюкзак, перебрался по подвесному мосту через реку и бодро зашагал по проселочной дороге. Согласно карте, скоро появится тропа, петляющая вдоль речки Аккем, которая вытекает из одноименного озера. Видел фотки в интернете, в солнечную погоду двуглавая вершина Белухи отражается в водоеме с такой убедительностью, что оторопь берет.

Неожиданно небом начали овладевать аспидные тучи. Погода на Алтае такая же непредсказуемая, как и Оксана, подумал Горностаев. Ее внезапная хворь его озадачила: он не привык, чтобы в планы кто-то вмешивался. Ради Оксаны придирчиво изучил горный район вблизи Белухи, вручную нарисовал его на кальке, отметив все перевалы и озера, которые бы ей понравились. С дотошностью выписал ориентиры, подходы и ключевые точки. Для него восхождение на Белуху – пустяк, пара дней в худшем случае, оставшееся время планировал посвятить просветительскому горному туризму. В кои-то веки изменил своему правилу, надумал отправиться в горы не в одиночку. Ко всем восхождениям он готовился скрупулезно и дотошно. Пристрастие к мелочам порой принимало маниакальный характер. Иногда Андрей и сам над собой подсмеивался, но ни разу не пожалел о предусмотрительности. Можно порадоваться, что никто не будет надоедать, но в этот раз одиночество почему—то тяготило.

Должно быть, природа почуяла его сумрачное настроение и ниспослала дождь. Андрей отстегнул палатку, притороченную к рюкзаку, споро установил ее на полянке близ дороги. Приоткрыв вход, улегся на полиуретановый коврик и безмятежно наблюдал за хмурым дождем. Раздался рокот дизеля, по дороге метрах в пяти от палатки неспешно проехал колесный трактор с прицепом, в котором, как грибы в лукошке, теснились туристы с разноцветным скарбом. Горностаев усмехнулся, таких хитрецов пруд пруди, туристы побогаче вообще используют для заброски вертолет. Андрей сознательно решил добираться до озера на своих двоих. Медленный подъем по тропе с рюкзаком зануден и уныл, но после освобождения от заплечной тяжести наступает такая легкость, будто переключился тумблер гравитации и ты оказался на Луне. А эти ребята, скорее всего, отдохнут на Аккеме, переберутся через перевал на Кучерлинское озеро и вернутся в Тюнгур. Самый популярный в здешних краях маршрут.

Дождь закончился, но тучи и не думали разбегаться, висели над головой, сонно приклеившись к небосводу. Горностаев успел преодолеть еще километров пятнадцать, прежде чем окрестности накрыло белесым туманом, а пронзительная морось снова загнала его в палатку. Советские командирские часы с подзаходом, с которыми он не расставался, поскольку те не боялись ни воды, ни морозов, убедили, что пора устроить ночевку. Перекусил купленной в поселке колбасой, запил ледяной водой из фляжки, забрался в спальник и живо отрубился. Дома Андрей засыпал с трудом, завел моду читать книжки, чтобы заманить дремоту, а в походах будто таймер срабатывал: пара минут – и мозг отключается.

Утром следующего дня Горностаев надеялся дотопать до озера, но когда до перевала, с которого начинался спуск к Аккемскому озеру, оставалось часа четыре хода, опять зарядил обложной дождь, мелкий и ознобный. Андрей вытащил из бокового кармана рюкзака китайскую накидку и набросил на себя. Длинною до колен, она оберегала и тело, и рюкзак, но не спасала от взбесившихся ручьев, впадающих в реку из боковых расселин. Приходилось разуваться и подворачивать штаны. Если слякоть не прекратится, придется заночевать в тайге, отстраненно подумал Горностаев. Ни огорчения, ни разочарования он не испытывал. Торопиться все равно некуда, а если обращать внимание на каверзы природы, лучше дома киснуть. О, очередная засада. Путь преградила подмытая водой громадная листовенница. Растопырив ветки, валялась посреди впадающего в реку мутного стремительного ручья. Горностаев направился вверх по склону, надеясь найти более удобное место для переправы. Краем глаза зацепил странную

фигуру. Вместо того чтобы установить палатку, горемычный турист сидел на камне, прижав колени к груди и обняв их руками. Лица под капюшоном ядовито-зеленой ветровки не разглядеть. Рядом неприкаянно валяется черный рюкзак. Горностаев давно перестал удивляться: в последние годы тяга к перемене мест переродилась в злокозненный вирус, поразивший все слои населения. В горы устремились бизнесмены и менеджеры, банковские клерки и офисный планктон, разнокалиберные предприниматели, системные администраторы и таксисты, студенты, домохозяйки, инвалиды и пенсионеры. В отличие от советских времен, магазины ломятся от разнообразного туристического снаряжения на любой вкус и бумажник. Остается только выбрать нужную точку на глобусе и запастись GPS-навигатором. Эти путешественники считают, что в век глобального позиционирования маршрутные карты такой же анахронизм, как компас и умение ориентироваться по звездам. Некоторые изумляются, что в горах чаще всего отсутствует мобильная связь, по их мнению, операторы просто обязаны установить базовые станции на всех господствующих высотах. Многие туристы привыкли к той природе, которую им доставляют на дом National Geographic, BBC или Discovery, она такая же удобная и безопасная, как пикник с барбекю в городском парке. А когда горы оказываются куда менее дружелюбными, чем на экране, складывают лапки, как этот бедолага. Андрей приблизился к нему и потряс за плечо.

– Уважаемый.

Тот правой рукой смахнул с головы капюшон и угрожающе предупредил хрипловатым женским голосом:

– Убери руки, дядя!

Отступив на пару шагов, Горностаев с интересом уставился на девицу, не отличающую деревянную скамейку во дворе родного дома от скользкого стилого камня в глухомани. Мокрая копна пшеничных волос, дикие глаза: левый – голубой, правый – зеленый. Оба бурвят его вроде сторожевых прожекторов стражей границы. Миловидное личико прямо таки пышет негодованием, будто он оторвал краля от важных размышлений. Андрей подивился самоуверенности мокрой курицы, он бы на ее месте коней попридержал. Призадумался, предложить ли ей помощь или убраться подобру-поздорову. Разноцветные глаза будто принадлежали разным людям: зеленый равнодушно мерцал, а голубой взирал на него с откровенным презрением.

Андрею припомнилась странная черно-белая собака, встреченная на бульваре пару месяцев назад. Поразили разноцветные глаза: небесно-голубой и карий. Хозяин, немолодой крепыш в очках, хмурый и сердитый, держал ее на коротком кожаном поводке, беспрестанно одергивал и чертыхался. Андрей поинтересовался, что за порода. Мужчина, будто оправдываясь, виновато объяснил, что это сибирская хаска по кличке Найда. Вообще-то эти собаки ездовые, а тем, кто начал их завозить в центральное Черноземье, следовало бы не только руки оторвать, но и ноги. Хаскам здесь не место, они любят холод, привычны к большим нагрузкам, выгуливать надо по два-три часа в день.

– Эта сука меня достала! Мало того, что сбежать норовит, так еще и на кинолога пришлось раскошелиться.

– Зачем тогда заводили?

– Я? – еще больше вспылит мужчина. – Сдалась она мне, как свинье седло. Нашлись благодетели, пятилетней дочке на день рождения подарили. Вот скажите, о чем эти идиоты думали?

Горностаев пожал плечами. Как пить дать, наболело у мужика, дома, небось, не больно заругаешься, а на ком-то оторваться хочется.

Искоса взглянув на мокрую туристку, Андрей подумал, что она в компании с Найдой смотрелась бы органично. Представив живописную картинку, он поежился. Нетушки, пусть лучше живут по отдельности.

Андрей встряхнулся, избавляясь от наваждения.

– Мне показалось, – с трудом проговорил он и замолчал.

Левый глаз девушки расширился, а правый, напротив, сузился. Горностаев поневоле отвернулся.

– Отдыхайте, – милостиво разрешил он и направился к строптивому ручью.

Переправившись по трухлявому стволу, зашагал по тропе, но от былой безмятежности не осталось и следа. Сколько ни пытался представить дальнейший маршрут, пред взором неизменно всплывала скрюченная женская фигурка. Он досадовал и на себя, и на девушку.

– Тормозни!

Горностаев повиновался. Оглянувшись, досадливо поморщился. Таки прицепилась. Найда, как он мысленно стал именовать девушку, так тяжело передвигала ноги, будто к трекowym ботинкам пристегнули свинцовые подметки, капюшон на голову не набросила, а рюкзак навесила на грудь, низко склонялась под его тяжестью, будто клала поклоны. Не дойдя до него, споткнулась, обессилено свалилась на рюкзак, растопырив руки. Глядя на нее сверху вниз, Горностаев с удивлением отметил, что росту в ней о-го-го, ему под стать, натуральная каланча. Ветровка и свитер при падении задрались, обнажив белую поясицу, на которую равнодушно сыпался дождь. Горностаев присел рядом с девушкой.

– Ты откуда?

Барышня со стоном освободилась от лямок рюкзака, перевернулась на спину и притихла. Взирала в хмурое небо, осыпающее ее холодными каплями, и не моргала. Андрей поежился. Пару раз махнул рукой над лицом девушки. Никакой реакции. Отрубилась. И что прикажете делать? Андрей осторожно прикоснулся пальцами ко лбу. К бабке не ходи, у девицы жар. Освободившись от накидки и рюкзака, поднялся выше по склону горы, нашел свободное место под сенью разлапистой лиственницы. Перетащил оба рюкзака, установил палатку. Внутри раскатал коврики – свой и девицы. Перенес ее на руках во временное убежище, отметив, что она куда легче, чем ожидал. Включив налобный фонарик, распотрошил ее рюкзак, с облегчением обнаружил пуховую австрийскую безрукавку, спальник и шерстяной спортивный костюм. Стащил с девушки ботинки и носки. Понятно, почему тащила за ним враскорячку. Надо крепко постараться, чтобы за столь короткое время обзавестись такими натертостями и волдырями. Андрей осмотрел новенькую обувь девушки. Hanwag. Немцы веники не вяжут, классные кожаные ботинки, очень дорогие и практичные, для гор в самый раз. Девчонка не пожадничала, разорилась, но никто ей не подсказал, что такие «чуни» нужно долго разносить. Горностаев обработал ступни девушки ватой, обильно смоченной перекисью водорода, смазал их медвежьим жиром. Шерстяные носки, купленные у старушки на рынке, оказались как нельзя кстати. Переодевал девушку с равнодушием санитаря, хотя машинально отметил, что грудь у нее высокая, с крупными сосками. Запихнув девицу в спальник, застегнул молнию до подбородка.

У штурмовой итальянской палатки Ferrino имелся небольшой тамбур, где он разжег примус и приготовил чай, не пожалев два пакетика. Прихлебывая горячий напиток, отвлеченно размышлял о случайностях. Разумеется, простуженную дуреху на его голову никто не посылал, но если вспомнить сошедшую с дистанции Оксану, трудно отделаться от мысли, что нынешняя встреча на подходе к Белухе чем-то обусловлена. Как только он изменил своему правилу, сразу нарисовалась нежданная спутница. Придется вернуться в Тюнгур и отправить ее к родителям, не уследившим за взбалмошной дочуркой. Андрея от такой перспективы передернуло, в лучшем случае сутки в минус. А ведь еще надо поставить больную на ноги. Простуда – бронхит – воспаление легких. Мысленно перебрал содержимое аптечки. Парацетамол Аспирин и аскорбинка имеются, когда девица оклемается, напикает ее лекарствами и напоит чаем. А там как получится, барышня хоть и субтильная, но упертая, другая бы свалилась от зашкаливающей температуры, а эта преследовала его, пока не догнала.

До чего же приятно, открыв глаза, зажмуриться от затопившего палатку сияния. Повернув голову, Андрей покосился на девушку: лицо осунулось, в губах ни кровинки, рот приоткрыт, дыхание ровное, волосы слиплись от пота. Осторожно прикоснулся ладонью ко лбу. Прохладный. Вот и славно. От мысли, что до вечера успеет отконвоировать девушку в поселок и вернуться обратно, Андрей повеселел. Рюкзак спрячет, таскать его туда и обратно нет резона. Выбравшись наружу, осмотрелся. От набивших оскомину туч не осталось и следа, солнце, несмотря на раннее утро, надув щеки, изо всех сил пригревало, от мокрого валежника валил пар, внизу глухо и неумолчно гудела река. На полянку ворвалась буро-коричневая бархатка, пятна на концах ее крыльев походили на черные маленькие глазки с ослепительно белыми зрачками посередине. Горностаев протянул руку, бабочка уселась на ладонь, настороженно поводя усиками, ощупывала пространство, убеждаясь в своей безопасности. Упорхнула. Проводив ее взглядом, он подумал, что это добрый знак.

Содрав с упавшей березы бересту и насобирав под лиственницами сушняк, развел костер. На рогатину повесил советский армейский котелок. Андрей привык обходиться одной посудинкой, вторую считал излишней. Как только вода закипела, высыпал в нее две пригоршни пшенной крупы и отставил котелок в сторону.

Чтобы не застудить пятую точку, Андрей расположился на маленьком коврик, который крепился к поясу резинкой. Туристы эту удобную и практичную штуковину называют по-разному: сидушка, пенка, хоба, пендаль, поджопник и даже геморройник. Кто первым додумался использовать ее в походах, неизвестно, Горностаев наградил бы его орденом за спасение репродуктивной функции мужчин и женщин.

Увидев девушку, выползшую на карачках из палатки, Андрей поневоле улыбнулся, что не укрылось от ее глаз. Она вскочила на ноги, будто узрела под носом гадюку, приблизилась и долго рассматривала его с таким видом, будто изучала ядовитое насекомое. Горностаев выдержал ее взгляд, отметив про себя, что благодарности от девицы не дождется.

– Это ты меня раздевал?

Горностаев демонстративно оглядел окружающее пространство, будто выискивал того, кто осмелился на такое надругательство, кивнул и картинно развел руками. У Найды, как он понял, начисто отшибло память. Забыла, как он вечером насильно поил ее таблетками и чаем.

– Куда белье дел?

Быстро оклемалась. Остались еще в русских селениях женщины, которых никакая лихоманка не берет. Ишь как бровки насупила. Из-за чего, спрашивается? Если бы не промокла до нитки, стал бы он ее раздевать.

Белье и остальные вещички Андрей еще до завтрака прополоскал в ручье, тщательно выжал и повесил сушиться на реп-шнуре, который натянул между двумя лиственницами ниже по склону.

Горностаев указал пальцем на сушившееся имущество. Девица негодуя фыркнула и рысью устремила к нему. Ставив штормовку, долго шарила по карманам. К бабке не ходи, искала паспорт и обратный билет на самолет. Документы она упаковала в толстый целлофановый пакет и обмотала скотчем. Горностаев за многие годы холостяцкой жизни приобрел привычку перед стиркой проверять карманы. Однажды не доглядел и лишился пропуска в лабораторию, который в стиральной машинке превратился в лохмотья. Найденные в штормовке девицы документы он внимательно изучил. Елена Евлампиевна Забруйская, весной исполнилось двадцать четыре года, согласно прописке, живет в областном городе. Название улицы и номер квартиры он запомнил. Интересно, чем руководствовались дедушка с бабушкой Лены, назвав сына столь редкостным именем?

Лена вернулась со штормовкой в руке. Потрясая ею, негодуя потребовала:

– Верни то, что тебе не принадлежит!

– Для начала носки сними.

– Что?

Девушка недоуменно уставилась на собеседника. Сообразив, уселась на траву, стянула носки и бросила их Андрею под ноги.

Он подобрал их и с подчеркнутой горестью заключил:

– Измазюкала.

Лена вырвала носки, опрометью устремилась к ручью. Вернувшись, протянула Андрею:

– Возвращаю в целости и сохранности. Где пакет?

– Давай поедим, – миролюбиво предложил Андрей.

– Издеваешься?

– Жрать хочется, сил нет.

– Не буду, пока не вернешь документы.

– Как хочешь.

Сняв крышку с котелка, Горностаев начал сосредоточенно поглощать кашу. Девушка демонстративно уселась напротив него, сжав колени и положив на них подбородок. Оporожнив котелок наполовину, Андрей протянул его Лене. Выхватив посудину, она отправилась в палатку и вскоре вернула пустой котелок. Андрей сходил с ним к ручью, вымыл, наполнил водой и повесил на рогатину, подбросив в костер дров. Чай пили вдвоем, девушка смоталась в палатку и притащила кружку. Она, как показалось Андрею, успокоилась и в знак примирения даже предложила открыть банку сгущенки, но он отказался. Поставив опорожненную кружку на траву, девушка попросила:

– Ну, пожалуйста, верни паспорт.

– Провожу до Тюнгура и адью.

Девушка, стащив пуховую безрукавку, уселась на нее и с интересом уставилась на собеседника.

– Я отстала от группы, девчонки будут ждать меня на Аккемском озере.

– Сегодня буду там, скажу, что ты сошла с маршрута.

– Нетушки.

– Посмотри на ноги, – мягко укорил Андрей. – Далекo уйдешь?

Девушка долго изучала поврежденные ступни, пошевелив пальчиками с каплями волдырей, призналась:

– Паша, наш руководитель, сказал, что мне лучше вернуться в Тюнгур, потому что я буду тормозить всю группу.

– Что за группа?

– Чисто женская.

Заметив, что Лена донельзя огорчена, Андрей поспешил ее успокоить:

– Елена Евлампиевна, у вас впереди столько гор, сколько пожелаете.

– Это ты нарочно?

– Не понял.

– Именуешь по отчеству.

– Да я так, – смутился Горностаев.

– Папа иногда иронизирует: «Иван, Егор, Михаил, таких имен до черта, а я – Евлампий».

У него автосервис. Половина станций техобслуживания в городе так и называются: «Евламп».

– Нормально, – одобрил Андрей. – А то повадились называть фирмы на американский манер.

– Если вернусь восвояси, больше всех обрадуется мама.

– Пытаешься разжалобить?

– Все равно дойду до озера.

– Доковыляешь. Что дальше?

– Не знаю.

Лена впервые взглянула на Горностаева с тайной надеждой. Андрей скривился от досады: желание избавиться от девушки ослабело. Настырная, такие редко встречаются. Довести ее до Аккема ничего не стоит, но стремно передавать на руки дуrolому Паше. Бросил девицу на маршруте, как кутенка. Ее товарки тоже хороши, интересно, сколько им лет, неужели все бабы с мозгами не дружат?

Девушка, будто разгадав его мысли, обиженно проговорила:

– Не бойся, навязываться в попутчицы не собираюсь.

Горностаев обозлился.

– Насколько понимаю, горы для тебя – темный лес?

Лена обиженно засопела. На щеках проступил румянец, каша и горячий чай явно пошли ей на пользу.

Андрей достал из кармана штанов пакет и вручил упрямице.

– Счастливого пути.

– И тебе не кашлять! – выпалила девушка, гневно сверкнув глазами.

Упаковывая вещи в рюкзаки, они не разговаривали. Искоса наблюдая за норовистой девицей, Андрей окончательно убедился, что в горах ей делать нечего, при такой укладке рюкзака через десяток километров натрет себе и плечи, и спину. Да и с ногами швах. Лейкопластырями, видать, не запаслась. Доплетется до озера и надолго застрянет. Если верить интернету, на берегу есть метеостанция и временная база МЧС. Да только вызовут ли они вертолет по такому пустяшному поводу? Скорее всего, отвезут девушку в Тюнгур на лошади, за извоз придется раскошелиться. Учитывая бизнес папаши, это мелочь. Вот и ладненько. Он не инструктор, да и в проводники не нанимался.

Горностаев поймал себя на мысли, что слишком озабочен судьбой Найды. Это его слегка озадачило. Какая разница, что с нею случится? Разумеется, жалко дуреху. Женская группа! От негодования Андрей так дернул ремешок на рюкзаке, что прищемил палец. Неплохо бы взглянуть на Павлушу. Ни один разумный мужик на бабскую компанию не подписался бы. Набросив рюкзак на плечи, Горностаев бросил прощальный взгляд на девицу, все еще копошащуюся над пожитками, глубоко вздохнул и направился к весело гомонящей реке.

Карабкаясь по тропе, ведущей на перевал, за которым начинался спуск к озеру, Горностаев то и дело останавливался, чтобы перевести дух. Вроде бы пустяшный подъем, но дышалки почему-то не хватало. Хотелось оглянуться, но он себя одергивал. Задумался о финальной точке своего масштабного проекта. На одном из сайтов опубликовали тягостный репортаж, снабдив его фотографиями трупов, лежащих на подступах к Эвересту. Стаскивать их к подножию горы, чтобы похоронить по-людски, никто не собирается. Автор бесстрастно рассказал, как альпинисты, поднимающиеся на вершину, равнодушно проходят мимо тех, кто, обессилев, валяется на снегу, и не предпринимают никаких попыток им помочь. С юридической точки зрения, какие могут быть претензии к фирмам, организовавшим восхождение? Клиенты сами подписали договор и знали, чем рискуют. Может, когда-нибудь их тела и снимут с верхотуры, предадут земле, но пока что никто не хочет тратить на это деньги. О чем думают те, кто хладнокровно проходит мимо впавших в беспамятство от мороза и кислородного голодания восходителей? Ну да, денежки, причем немалые, заплатили. Так ведь не бедняки на Эверест поднимаются. Да и престиж сомнителен. Это как с советскими космонавтами. Гагарина с Леоновым еще помнят, а остальных, кроме Терешковой, могут назвать только специалисты.

Размышляя о запредельной жестокости коммерческого альпинизма, Горностаев мысленно переключился на российские реалии. Однажды добирался на работу на троллейбусе, из окна увидел, как пятерка малолеток не старше четырнадцати лет пинает ногами девочку. Та валяется на асфальте, сжавшись в комок и обхватив голову руками. Одна из нападавших пинком перевернула ее на спину, подпрыгнув, приземлилась обеими ногами на грудь жертвы,

но, потеряв равновесие, под дружный хохот подружек свалилась на асфальт. Неподалеку торчал рослый парень и хладнокровно снимал происходящее на камеру мобильного телефона. Двое мужиков, остановившись, с интересом наблюдали за происходящим. Двери открылись. Андрей вылетел из салона, бегом преодолел десяток метров и с ходу врезал в подбородок оператору. Схватив за шкирку акробатку, поднял ее перед собой на вытянутой руке. Задрывшаяся футболка удавкой сжала ей горло. Она захрипела и засучила ногами. Перепуганные товарки истошно завизжали. Андрей разжал пальцы. Какая-то сердобольная прохожая завопила, обращаясь к мужчинам, которые негромко переговаривались и вмешиваться явно не собирались.

– Караул! Детей убивают! Вызовите полицию! Он же маньяк, неужели не видите?

Те, переглянувшись, поспешили к троллейбусной остановке. Побитая девочка встала на ноги и, прихрамывая, поплелась прочь.

– Гадина, – с ненавистью выпалила ей вслед одна из нападавших.

– Почему?

– Отбила парня, – кивнула она на валявшегося без чувств оператора.

Горностаев растерялся. Куда мир катится? Пацанки распределяют парней промеж собой, как законную добычу.

Андрей остановился и присел, упершись рюкзаком в скалу. С досадой поймал себя на мысли, что ищет повод устроить большой перекур. Свалил в кучу Эверест и малолеток, какая связь? Девчонки вырастут, обзаведутся такими же отморозженными детишками, а на вершине мира по-прежнему будут множиться трупы.

Лена поднималась по-черепашьи, с тягостной настойчивостью. Добравшись до него, свалилась спиной на рюкзак. Андрей вздрогнул. Ему показалось, что зеленый глаз впился в него с ненавистью, а голубой вопрошающе. У него неожиданно появилось желание перекреститься.

– Тебе не кажется, что упорство и упёртость – немножко разные понятия?

– Слушай, отвали, – огрызнулась девушка. – Тоже мне, проповедник выискался. Обзаведись женой и морочь ей голову.

– С чего решила, что я холостяк?

– Сам догадайся, если такой умный.

Пожалуй, не найдется ни одного человека, который хотя бы иногда не вспоминал детство. Неважно, какое. Пусть даже горькое, как воды Мертвого моря. У детства имеется особенность: оно хоть и чувствительно к неприятностям взрослых, однако воспринимает действительность не совсем так, как они. Лена, вспоминая отрочество, недоумевала: радоваться ей или огорчаться. У младшего братика, когда он еще находился во чреве матери, врачи заподозрили страшное генетическое заболевание, лет пять после рождения мальчика родители тряслись над ним, пока окончательно не выяснилось, что диагноз оказался ошибочным. После этого папеньку и накрыло, причем основательно и надолго. Он вдруг заподозрил, что дочка, в отличие от сына, не от него. Были ли для этого основания, Лене выяснить не удалось, родители в присутствии детей избегали любых разговоров на эту тему, но о тяжелых семейных ссорах красноречиво свидетельствовали мамины слезы и нервные срывы, когда она запиралась в спальне и никого не хотела видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.